

Republica Moldova

CURTEA CONSTITUȚIONALĂ

Перевод

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

**ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ
НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ**

**ст. 16 ч. (9) Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном
декларировании и налоговом стимулировании**
*(доступ к сведениям, связанным с добровольным декларированием
имущества)*

(обращение № 106g/2019г.)

КИШИНЭУ

12 декабря 2019 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
СТ. 16 Ч. (9) ЗАКОНА № 180 ОТ 26 ИЮЛЯ 2018 ГОДА О ДОБРОВОЛЬНОМ ДЕКЛАРИРОВАНИИ И
НАЛОГОВОМ СТИМУЛИРОВАНИИ

Именем Республики Молдова,
Конституционный суд в составе:

Владимир ЦУРКАН, *председатель*,
Эдуард АБАБЕЙ,
Домника МАНОЛЕ,
Николае РОШКА,
Люба ШОВА,
Сергей ЦУРКАН, *судьи*,
при участии *помощника судьи*, Думитру Аворника,

принимая во внимание обращение, представленное и
зарегистрированное 30 мая 2019 года,
рассмотрев указанное обращение в открытом пленарном заседании,
учитывая акты и материалы дела,
проведя обсуждение в совещательной комнате,

выносит следующее постановление:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Основанием для рассмотрения дела послужило обращение об исключительном случае неконституционности ст. 16 ч. (9) Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании, предусматривающей, что «в отступление от положений статьи 131 Налогового кодекса информация, связанная с исполнением настоящего закона, предоставляется только по требованию Национального органа по неподкупности, Службы по предупреждению и борьбе с отмыванием денег и субъекта добровольного декларирования», представленное по запросу адвоката Виталия Зама, в рамках дела № 3-2368/2018, рассматриваемого судом Кишинэу, сектор Рышкань.

2. Обращение об исключительном случае неконституционности было представлено в Конституционный суд 21 мая 2019 года судьей Ираидой Секриеру, в соответствии со ст. 12¹ Гражданского процессуального кодекса.

3. Определением Конституционного суда от 18 ноября 2019 года, без вынесения решения по существу, обращение было признано приемлемым.

4. В ходе рассмотрения обращения Конституционный суд затребовал мнения Парламента, Президента Республики Молдова, Правительства, Центра правовых ресурсов, Института реформ в уголовной области,

Ассоциации за полноценную демократию «ADEPT», Института по развитию и социальным инициативам «Вииторул», организации «Transparency International» в Республике Молдова, Центра по анализу и предотвращению коррупции и организации «Amnesty International Moldova».

5. В открытом заседании Конституционного суда обращение поддержал автор, адвокат Виталие Зама. Со стороны Парламента принял участие Раду Раду, главный консультант службы представительства в Конституционном суде и правоохранительных органах общего юридического управления Секретариата Парламента. От Правительства присутствовал Эдуард Сербенко, государственный секретарь Министерства юстиции, Дорел Норок, государственный секретарь Министерства финансов, и Виктория Белоус, начальник Управления Государственной налоговой службы по юридическим экспертизам.

ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

6. Общественная организация «Юристы за права человека», которую при рассмотрении настоящего дела представляет адвокат Виталие Зама, 9 октября 2018 года истребовала от Государственной налоговой службы сведения, представляющие общественный интерес, в частности: (1) поименный список физических лиц – граждан Республики Молдова, которые по доброй воле подали декларацию об имуществе в период с 17 августа 2018 года по 10 октября 2018 года в соответствии с положениями Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании; (2) стоимость имущества, добровольно задекларированного физическими лицами – гражданами Республики Молдова в период с 17 августа 2018 года по 10 октября 2018 года в соответствии с положениями Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании; (3) общая сумма налогов и платежей, внесенных в государственный бюджет в результате добровольного декларирования имущества в период с 17 августа 2018 года по 10 октября 2018 года в соответствии с положениями Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании; (4) поименный список налогоплательщиков, которые воспользовались фискальными льготами в период с 17 августа 2018 года по 10 октября 2018 года в соответствии с положениями Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании.

7. Общественной организации было отказано 26 октября 2018 года в предоставлении доступа к информации со ссылкой на положения ст. 16 ч. (9) Закона о добровольном декларировании и налоговом стимулировании. Общественная организация обжаловала отказ Государственной налоговой службы в судебную инстанцию Кишинэу,

сектор Рышкань. В рамках возбужденного дела адвокат Виталие Зама представил запрос об исключительном случае неконституционности ст. 16 ч. (9) Закона о добровольном декларировании и налоговом стимулировании, в котором указал, что эта статья противоречит ст. 1 ч.(3), ст. 4 ч. (2), ст. 23, ст. 34 ч. (1) и ч. (2) и ст. 54 ч. (2) Конституции.

8. Определением от 20 мая 2019 года суд Кишинэу, сектор Рышкань, удовлетворил запрос и направил обращение об исключительном случае неконституционности в Конституционный суд для разрешения.

ПРИМЕНИМОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

9. Применимые положения Конституции:

Статья 28

Интимная, семейная и частная жизнь

«Государство уважает и охраняет интимную, семейную и частную жизнь».

Статья 32

Свобода мнений и выражения

«(1) Каждому гражданину гарантируется свобода мысли, мнений, а также свобода публичного выражения посредством слова, изображения или иными возможными способами.

(2) Свобода выражения не должна наносить ущерб чести, достоинству или праву другого лица иметь собственные взгляды.

(3) Запрещаются и наказываются законом оспаривание и опорочивание государства и народа, призывы к агрессивной войне, национальной, расовой или религиозной розни, подстрекательство к дискриминации, территориальному сепаратизму, общественному насилию, а также другие действия, посягающие на конституционный режим».

Статья 34

Право на информацию

«(1) Право лица на доступ к любой информации, касающейся общественных дел, не может быть ограничено.

(2) Власти в соответствии со своей компетенцией обязаны обеспечивать достоверное информирование граждан об общественных делах и по вопросам личного характера.

(3) Право на информацию не должно наносить ущерб мерам, направленным на защиту граждан, или национальной безопасности.

(4) Средства массовой информации, как государственные, так и частные, обязаны обеспечивать достоверное информирование общественности.

(5) Средства массовой информации не подвергаются цензуре».

Статья 54

Ограничение осуществления прав или свобод

«(1) В Республике Молдова не могут быть приняты законы, запрещающие или умаляющие права и основные свободы человека и гражданина.

(2) Осуществление прав и свобод не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом, соответствуют общепризнанным нормам

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
СТ. 16 Ч. (9) ЗАКОНА № 180 ОТ 26 ИЮЛЯ 2018 ГОДА О ДОБРОВОЛЬНОМ ДЕКЛАРИРОВАНИИ И
НАЛОГОВОМ СТИМУЛИРОВАНИИ

международного права и необходимы в интересах национальной безопасности, территориальной целостности, экономического благосостояния страны, общественного порядка, в целях предотвращения массовых беспорядков и преступлений, защиты прав, свобод и достоинства других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

(3) Положения части (2) не допускают ограничения прав, провозглашенных в статьях 20–24.

(4) Ограничение должно соответствовать обстоятельству, вызвавшему его, и не может затрагивать существование права или свободы».

10. Применимые положения Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании:

Статья 16

Применение положений настоящего закона

«[...]

(9) **В отступление от положений статьи 131 Налогового кодекса информация, связанная с исполнением настоящего закона, предоставляется только по требованию Национального органа по неподкупности, Службы по предупреждению и борьбе с отмыванием денег и субъекта добровольного декларирования».**

11. Применимые положения Налогового кодекса, утвержденного Законом № 1163 от 24 апреля 1997 года:

Статья 131

Органы, осуществляющие полномочия по налоговому администрированию

«(1) Органами, осуществляющими полномочия по налоговому администрированию, являются: Государственная налоговая служба, таможенные органы, службы по сбору местных налогов и сборов, действующие в составе примэрий, и другие уполномоченные в соответствии с законодательством органы.
[...]

(5) Органы, осуществляющие полномочия по налоговому администрированию, вправе предоставлять имеющуюся у них информацию о конкретном налогоплательщике:

а) налоговым служащим и должностным лицам органов, осуществляющих полномочия по налоговому администрированию, в целях выполнения ими своих служебных обязанностей;

б) органам центрального и местного публичного управления в целях выполнения ими своих полномочий;

в) судебным инстанциям в целях рассмотрения отнесенных к их компетенции дел;

г) правоохранительным органам – информацию, необходимую в рамках уголовного преследования, и/или о налоговых нарушениях;

д) Центральной избирательной комиссии и Счетной палате в целях выполнения ими своих функций;

е) налоговым органам других стран в соответствии с международными договорами, одной из сторон которых является Республика Молдова;

ж) судебным исполнителям для исполнения исполнительных документов;

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
СТ. 16 Ч. (9) ЗАКОНА № 180 ОТ 26 ИЮЛЯ 2018 ГОДА О ДОБРОВОЛЬНОМ ДЕКЛАРИРОВАНИИ И
НАЛОГОВОМ СТИМУЛИРОВАНИИ

h) координаторам территориальных бюро Национального совета по юридической помощи, гарантируемой государством, для проверки доходов лиц, обращающихся за юридической помощью, гарантируемой государством;

i) органам, наделенным функциями в области миграции, – информацию об объектах налогообложения иммигрантов в целях выполнения ими своих полномочий;

j) органам, наделенным функциями утверждения цен и тарифов, в целях выполнения ими своих полномочий;

к) налогоплательщикам – информацию личного характера о них относительно налоговых обязательств и других платежей в национальный публичный бюджет, учет которых ведется Государственной налоговой службой;

l) средствам массовой информации – информацию о суммах платежей, вносимых в национальный публичный бюджет, и/или о налоговых нарушениях, если это не ущемляет законные интересы правоохранительных и судебных органов;

m) авторизованным управляющим в соответствии с положениями законодательства о несостоятельности авторизованных управляющих;

n) учредителям и/или акционерам предприятия – информацию об отсутствии или наличии задолженностей (выдача справок об отсутствии или наличии задолженности);

o) бюро кредитных историй – информацию о доходах, полученных из всех источников дохода конкретным налогоплательщиком, для целей оценки налогоплательщика на преддоговорном этапе и мониторинга платежных обязательств (на основе соглашения между сторонами);

p) Совету по конкуренции в целях рассмотрения дел в области конкуренции, государственной помощи и рекламы.

[...]

(9) Государственная налоговая служба безвозмездно предоставляет любому бюджетному органу/учреждению и налогоплательщику информацию в предусмотренных настоящим кодексом пределах и в имеющемся в распоряжении Государственной налоговой службы формате.

[...]».

ВОПРОСЫ ПРАВА

ПРИЕМЛЕМОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ

12. В определении от 18 ноября 2019 года Конституционный суд подтвердил соблюдение в рассматриваемом случае требований о приемлемости обращения об исключительном случае неконституционности, установленных в своей неизменной практике.

13. Конституционный суд отметил, что предметом обращения является ст. 16 ч. (9) Закона о добровольном декларировании и налоговом стимулировании. Проверка конституционности данного вида нормативных актов относится к компетенции *ratione materiae* Конституционного суда, в соответствии со статьей 135 ч. (1) п. а) Конституции.

14. Запрос об исключительном случае неконституционности был представлен в рамках дела, предметом которого является рассмотрение

отказа административного органа. Конституционный суд признал, что оспариваемые положения закона подлежат применению со стороны судебной инстанции.

15. Исключительный случай неконституционности был заявлен представителем одной из сторон процесса.

16. Ранее Конституционный суд не рассматривал конституционность оспариваемых положений.

17. Предварительно, до признания обращения приемлемым, Конституционный суд изучил относимость к делу конституционных прав, на которые ссылается автор.

18. В обоснование обращения об исключительном случае неконституционности автор приводит положения ст. 1 ч. (3), ст. 4 ч. (2), ст.23, ст. 34 ч. (1) и ч. (2) и ст. 54 ч. (2) Конституции.

19. Конституционный суд подчеркнул, что положения ст. 1, ст. 4, ст.23 и ст. 54 Конституции не имеют самостоятельного значения. Для применения этих положений необходимо, чтобы автор обращения демонстрировал совершение вмешательства в осуществление прав, гарантированных Конституцией. Только анализируя оправданность вмешательства в права, гарантированные Конституцией, Конституционный суд может применить закрепленные в вышеуказанных статьях стандарты и ценности верховенства права, приоритетности договоров о защите основополагающих прав человека, одной из сторон которых является Республика Молдова, законности и соразмерности (см. ПКС № 19 от 24 сентября 2019 года, § 16, ПКС № 3 от 18 января 2019 года, § 18).

20. Автор обращения отметил, что оспариваемые положения совершают вмешательство в основополагающее право на информацию, гарантированное ст. 34 Конституции.

21. Статья 34 ч. (1) Конституции предусматривает, что право лица на доступ к любой информации, касающейся общественных дел, не может быть ограничено.

22. Конституционным судом не был произведен конкретный анализ на предмет наличия права доступа к сведениям, истребованным общественной организацией, которую представляет автор обращения. Этот анализ должен производиться, исходя из конкретных обстоятельств дела, судья суда общей юрисдикции, где и был заявлен исключительный случай неконституционности. Анализ оправдан обязательностью толкования и применения конституционных норм о правах и свободах человека в соответствии с международными договорами, одной из сторон которых является Республика Молдова, согласно ст. 4 ч. (1) Конституции. В этом смысле могут быть применены озвученные ЕСПЧ при рассмотрении дела *Magyar Helsinki Bizottság против Венгрии* [БП], 8 ноября 2016 г., критерии, которые определяют сферу применения права на доступ к информации в качестве составляющей права на свободу

выражения. Эти критерии представляют собой ограничительный порог для осуществления права на доступ к сведениям, которыми располагают государственные органы.

23. Ниже Конституционный суд излагает критерии, установленные ЕСПЧ в деле *Magyar Helsinki Bizottság против Венгрии* [БП], §§ 158-170:

«(а) Цель обращения с запросом о предоставлении информации

158. Первым предварительным условием должно являться то, чтобы человек, который требует доступа к информации, находящейся в распоряжении государственного органа, стремился к осуществлению своей свободы «получать и распространять информацию и идеи». Следовательно, Европейский суд придает значение тому факту, являлся ли сбор сведений важным подготовительным этапом деятельности журналистов или других видов деятельности, создающих площадки для общественного обсуждения или являющихся его важной частью (см., *mutatis mutandis*, постановления Европейского суда по делу «*Венгерский союз гражданских свобод против Венгрии*», §§ 27–28, и по делу «*Австрийская ассоциация за сохранение, укрепление и создание экономически здоровой сельскохозяйственной и лесной собственности против Австрии*», § 36).

159. В этом контексте можно напомнить, что в сфере свободы прессы Европейский суд приходил к выводу, что «в силу „обязанностей и обязательств“, неразрывно связанных с осуществлением свободы выражения мнения, статья 10 Конвенции обеспечивает журналистам, которые освещают вопросы, представляющие общий интерес, определенные гарантии при условии, что они действуют добросовестно, чтобы сообщать точную и достоверную информацию, соблюдая при этом правила журналистской этики» (см. Постановление Европейского суда по делу «*Гудвин против Соединенного Королевства*» (*Goodwin v. United Kingdom*) от 27 марта 1996 г., § 39, Постановления Большой Палаты Европейского суда по делу «*Фрессоз и Руар против Франции*» (*Fressoz and Roire v. France*), § 54, и по делу «*Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии*» (*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*), § 65). Эти же соображения применяются и к неправительственной организации, утверждающей, что она стоит на страже общественных интересов.

Следовательно, для того, чтобы статья 10 Конвенции стала применимой, нужно установить, была ли затребованная информация действительно необходима для осуществления свободы выражения мнения (см. *Рошияну против Румынии*, 24 июня 2014 г., § 63). С точки зрения Европейского суда, доступ к информации будет считаться необходимым, если отказ ее сообщить затруднит или нарушит осуществление права свободно выражать свое мнение (см. Постановление Европейского суда по делу «*Венгерский союз гражданских свобод против Венгрии*», § 28), в том числе свободы «получать и распространять информацию и идеи» сообразно с теми «обязанностями и обязательствами», которые могут следовать из пункта 2 статьи 10 Конвенции.

(б) Характер затребованной информации

160. Ранее Европейский суд приходил к выводу, что отказ в доступе к информации является вмешательством в осуществление заявителями права получать и распространять информацию в ситуациях, когда затребованные сведения представляют собой «информацию о фактах использования мер по электронному наблюдению» (см. Постановление Европейского суда по делу «*Молодежная инициатива по правам человека против Сербии*», § 24), «информацию о конституционной жалобе» и «по важному для общества вопросу»

(см. Постановление Европейского суда по делу «*Венгерский союз гражданских свобод против Венгрии*», §§ 37–38), «оригинальные документальные источники для проведения правомерных исторических исследований» (см. Постановление Европейского суда по делу «*Кенеди против Венгрии*», § 43) и решения, касающиеся комиссий по сделкам с недвижимостью (см. Постановление Европейского суда по делу «*Австрийская ассоциация за сохранение, укрепление и создание экономически здоровой сельскохозяйственной и лесной собственности против Австрии*», § 42). Кроме того, Европейский суд придавал важное значение наличию конкретной категории информации, которая предположительно представляет общественный интерес.

161. Подтверждая данный подход, Европейский суд считает, что затребованная информация, сведения или документы обычно должны соответствовать критерию общественного интереса, чтобы согласно Конвенции возникла необходимость в их разглашении. Эта необходимость может возникнуть, *inter alia*, когда их раскрытие обеспечивает прозрачность ведения государственных дел и по вопросам, представляющим общественный интерес в целом, позволяя тем самым всему обществу принимать участие в управлении государством.

162. Европейский суд подчеркивал, что определение вопросов, которые могут представлять общественный интерес, зависит от обстоятельств конкретного дела. Общественный интерес распространяется на вопросы, затрагивающие общество в такой степени, что у него могут появиться правомерные основания интересоваться ими, которые привлекают его внимание или сильно его беспокоят, особенно в силу того, что они отражаются на благосостоянии граждан или на жизни сообщества. Кроме того, данный интерес охватывает вопросы, способные привести к существенным разногласиям, которые касаются важных аспектов жизни общества или проблемы, в получении информации о которой общество было бы заинтересовано. Общественный интерес нельзя сводить к желанию общества получать информацию о частной жизни других лиц или к желанию аудитории получать сенсационные сведения, а иногда и подсматривать за кем-либо. С целью установить, касается ли публикация важного для общества вопроса, необходимо рассмотреть всю публикацию в целом с учетом контекста ее появления (см. Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «*Кудерк и компания „Ашетт Филипаки Ассосье“ против Франции*», §§ 97–103).

163. В связи с этим следует принимать во внимание такой фактор, как привилегированное место, которое Европейский суд отводит в своей прецедентной практике политическим высказываниям и дискуссиям по вопросам, представляющим общественный интерес. Причина, по которой пункт 2 статьи 10 Конвенции практически не предусматривает оснований, позволяющих ограничивать выражение мнений в этих случаях (см. Постановление Европейского суда от 8 июля 1986 г. по делу «*Лингенс против Австрии*», §§ 38 и 41, а также Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «*Сюрек против Турции (№ 1)*», § 61), тоже говорит в пользу права на доступ к такой информации, находящейся в распоряжении государственных органов, согласно пункту 1 статьи 10 Конвенции.

(γ) Роль заявителя

164. Логическим следствием двух изложенных выше критериев, один из которых касается цели обращения с запросом о предоставлении информации, а другой – характера затребованной информации, является особая важность, которую приобретает конкретная роль лица, требующего информацию, в ее «получении и распространении» в обществе. Так, раньше при определении того,

допустили ли власти государства-ответчика вмешательство в осуществление заявителями прав, предусмотренных статьей 10 Конвенции, отказав им в доступе к тем или иным документам, Европейский суд придавал особое значение тому, что заявитель выступал в роли журналиста (см. Постановление Европейского суда по делу *«Рошияну против Румынии»*, § 61), стоял на страже общественных интересов или являлся неправительственной организацией, чья деятельность касалась вопросов, представляющих общественный интерес (см. Постановления Европейского суда по делу *«Венгерский союз гражданских свобод против Венгрии»*, 14 апреля 2009 г., § 36, по делу *«Австрийская ассоциация за сохранение, укрепление и создание экономически здоровой сельскохозяйственной и лесной собственности против Австрии»*, 28 ноября 2013 г., § 35, по делу *«Молодежная инициатива по правам человека против Сербии»*, 25 июня 2013 г., § 20, а также по делу *«Гусева против Болгарии»*, 17 февраля 2015 г., § 41).

165. Несмотря на то, что статья 10 Конвенции гарантирует свободу выражения мнения «каждому», Европейский суд в своей прецедентной практике признает ключевую роль, которую играет пресса в демократическом обществе (см. Постановление Европейского суда от 24 февраля 1997 г. по делу *«Де Хаэс и Гийселс против Бельгии»* (De Haes and Gijssels v. Belgium), § 37), и особое положение журналистов в этом контексте. Он приходил к выводу об особой важности гарантий, которые необходимо обеспечивать прессе (*«Гудвин против Соединенного Королевства»*, 27 марта 1996 г., § 39, и *«Газеты „Обсервер” и „Гардиан” против Соединенного Королевства»* (Observer and Guardian v. United Kingdom) от 26 ноября 1991 г., § 59). Европейский суд неоднократно признавал, что средства массовой информации играют жизненно важную роль в содействии и облегчении реализации обществом права получать и распространять информацию и идеи, в следующих выражениях: «Обязанность прессы заключается в том, чтобы распространять информацию и идеи по всем вопросам, представляющим интерес для общества таким образом, чтобы не нарушать при этом своих обязательств. Задаче средств массовой информации по распространению этой информации и идей соответствует право общества на их получение. Если бы было иначе, пресса не смогла бы выполнять свои ключевые функции, стоя на страже общественных интересов (см. Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу *„Компания „Бладет Тромсё” и Стенсаас против Норвегии»* (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway), 20 мая 1999 г., §§ 59 и 62)».

166. Кроме того, Европейский суд признавал, что функцию создания различных площадок для дискуссий в обществе может выполнять не только пресса, но и, например, неправительственные организации, чья деятельность является важнейшим элементом содержательного общественного обсуждения. Европейский суд допустил, что, привлекая внимание к вопросам, представляющим интерес для общества, неправительственная организация стоит на страже общественных интересов и играет при этом не менее важную роль, чем пресса (см. Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу *«Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства»* (Animal Defenders International v. United Kingdom), 22 апреля 2013 г., § 103). При этом можно считать, что она стоит на страже общественных интересов, а значит, ей нужно обеспечивать такую же защиту, как и прессе (см. Постановления Европейского суда по делу *«Венгерский союз гражданских свобод против Венгрии»*, 14 апреля 2009 г., § 27, по делу *«Молодежная инициатива по правам человека против Сербии»*, 25 июня 2013 г., § 20). Европейский суд признавал, что гражданское общество вносит важный вклад в обсуждение государственных дел (см., например, постановление Европейского суда по делу *«Стил и Моррис против Соединенного Королевства»* (Steel and Morris v. United

Kingdom), 15 февраля 2005 г., § 89, и по делу «Венгерский союз гражданских свобод против Венгрии», § 38).

167. То, как работают организации, стоящие на страже общественных интересов, может оказывать существенное влияние на правильное функционирование демократического общества. В интересах демократического общества предоставить прессе возможность осуществлять свои жизненно важные функции, стоя на страже общественных интересов и распространяя информацию по важным для общества вопросам (см. Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «Компания „Бладет Тромсё” и Стенсаас против Норвегии», 20 мая 1999 г., § 59), а также позволить это делать неправительственным организациям, контролирующим деятельность государства. Учитывая, что точная информация – это товар, нередко возникает необходимость в том, чтобы лица и организации, стоящие на страже общественных интересов, получали доступ к информации, чтобы выполнять свои функции и сообщать о вопросах, представляющих интерес для общества. Препятствия, затрудняющие доступ к информации, могут привести к тому, что те, кто работает в средствах массовой информации или в связанных с ними областях, уже не смогут эффективно стоять на страже общественных интересов, что негативно отразится на их возможности сообщать точную и заслуживающую доверия информацию (см. Постановление Европейского суда по делу «Венгерский союз гражданских свобод против Венгрии», 14 апреля 2009 г., § 38).

168. Таким образом, Европейский суд считает важным вопрос о том, стремится ли человек получить доступ к соответствующей информации с целью сообщить ее обществу, стоя на страже общественных интересов. Однако это не означает, что право на доступ к информации должно применяться исключительно к неправительственным организациям и прессе. Европейский суд напоминает, что повышенной защитой пользуются также научные работники (см. Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «Башкайя и Окчуолу против Турции» (Başkaya and Okçuoğlu v. Turkey), 8 июля 1999 г., §§ 61–67, Постановление Европейского суда по делу «Кенеди против Венгрии», 26 мая 2009 г., § 42, Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «Йильберг против Швеции», 3 апреля 2012 г., § 93) и авторы литературных произведений по важным для общества вопросам (см. Постановление Европейского суда по делу «Шови и другие против Франции» (Chauvy and Others v. France), 29 июня 2004 г., § 68, и Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «Лендон, Очаковский-Лоран и Жюли против Франции» (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France), 22 октября 2007 г., § 48). Кроме того, Европейский суд отмечает, что с учетом того, какую важную роль играет Интернет в расширении возможностей общества по получению новостей и в облегчении распространения информации (см. Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «Компания „Дельфи АС” против Эстонии» (Delfi AS v. Estonia), 16 июня 2015 г., § 133), блоггеров и активных пользователей социальных сетей ввиду выполняемых ими функций тоже можно считать стоящими на страже общественных интересов в контексте защиты, которую обеспечивает статья 10 Конвенции.

(δ) Готовая информация

169. Делая вывод о том, что отказ в доступе к информации нарушает статью 10 Конвенции, Европейский суд ранее обращал внимание на то, чтобы затребованная информация была «готовая» и не требовала от государства собирать какие-либо данные (см. Постановление Европейского суда по делу «Венгерский союз гражданских свобод против Венгрии», 14 апреля 2009 г., § 36, а также в качестве

примера противоположной ситуации Решение Европейского суда по делу «*Вебер против Германии*» (*Weber v. Germany*) от 6 января 2015 г., § 26). С другой стороны, Европейский суд отклонил ссылку органа власти государства-ответчика на предполагаемую проблему, связанную со сбором информации, в качестве основания отказа предоставить заявителю документы в ситуации, когда эта проблема была вызвана практикой самого данного органа власти (см. Постановление Европейского суда по делу «*Австрийская ассоциация за сохранение, укрепление и создание экономически здоровой сельскохозяйственной и лесной собственности против Австрии*», 28 ноября 2013 г., § 46).

170. С учетом вышеупомянутой прецедентной практики, а также принимая во внимание пункт 1 статьи 10 Конвенции (в частности, слова «без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей»), Европейский суд полагает: тот факт, что затребованная информация имеется в готовом виде, должен являться важным критерием при общей оценке того, можно ли считать отказ в предоставлении информации «вмешательством» в осуществление свободы «получать и распространять информацию», которая охраняется этим положением».

24. Конституционный суд отметил необходимость использования судебными инстанциями общей юрисдикции указанных критериев при рассмотрении дел, связанных с доступом к сведениям, находящимся в распоряжении государственных органов, чтобы выяснить, если право на доступ к информации подлежит применению. Конституционный суд напоминает, что этот вывод вытекает из обязанности государственных органов толковать и применять конституционные нормы о правах и свободах человека в соответствии, *inter alia*, с Европейской конвенцией о защите прав человека, как предусматривает ст. 4 ч. (1) Конституции.

25. Конституционный суд подчеркнул, что одна из функций ЕСПЧ состоит в установлении минимального уровня защиты основных прав, который должен гарантироваться всеми государствами-участниками Конвенции. ЕСПЧ изложил последствия этой функции в деле *Soering против Соединенного Королевства*, 7 июля 1989 года, § 87: ... *предмет и цель Конвенции, как правового акта, обеспечивающего защиту прав человека, требуют, чтобы ее нормы применялись и толковались таким образом, чтобы сделать ее гарантии реальными и эффективными ... Кроме того, любое толкование прав и свобод, которые гарантируются, должно соответствовать «общему духу Конвенции – правового акта, целью которого является обеспечение и развитие идеалов и ценностей демократического общества»* (см. ПКС № 10 от 8 мая 2018 г., § 49).

26. Так как в определении судебной инстанции от 20 мая 2019 года нет ни одного упоминания об использовании этих критериев, кроме того, что «оспариваемые положения подлежат применению при разрешении дела», Конституционный суд исходит из презумпции относимости к делу № 3-2368/2018 права на доступ к информации.

27. Приходя к выводу, что право на доступ к информации имеет отношение к делу, Конституционный суд, рассматривая обращение по

существо, считает необходимым проверить законность и соразмерность указанного вмешательства в широком смысле.

В. СУЩЕСТВО ДЕЛА

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНСТИТУЦИИ

A. Аргументы автора обращения

28. По мнению автора обращения, ст. 16 ч. (9) Закона о добровольном декларировании и налоговом стимулировании противоречит ст. 1 ч. (3), ст. 4 ч. (2), ст. 23, ст. 34 ч. (1) и ч. (2) и ст. 54 ч. (2) Конституции.

29. В обоснование обращения автор утверждает, что ограничение доступа к информации положениями ст. 16 ч. (9) Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании не отвечает требованиям Конституции Республики Молдова, поскольку не преследует правомерную цель и не является необходимым в демократическом обществе. Автор обращения полагает, что данное ограничение производит обескураживающий эффект на заинтересованных лиц.

B. Аргументы органов власти и организаций, представивших свое мнение

30. В письменном мнении Парламента отмечается, что оспариваемая норма совершает вмешательство в ст. 34 Конституции. При этом подчеркивается, что оспариваемая норма является доступной и изложена в достаточно ясной форме. Относительно законной цели отмечается, что запрет призван защищать частную жизнь и репутацию других лиц. Парламент заключает, что в оспариваемой норме дается верная оценка равновесию между конкурирующими интересами, следовательно, соблюдается соразмерность.

31. Президент Республики Молдова считает, что свободный доступ к информации может нанести моральный и материальный ущерб не только лицам, но и интересам государства. Согласно его утверждениям, «хотя доступ к информации имеет серьезные последствия для надлежащего функционирования демократического режима, ст. 34 ч. (3) Конституции устанавливает, что право на информацию не должно наносить ущерб мерам, направленным на защиту граждан». По мнению Президента Республики Молдова, с точки зрения конституционности ограничение, предусмотренное законом, не представляет никакого риска.

32. В мнении Правительства отмечается, что право на доступ к информации не носит абсолютный характер и подлежит ограничению в

соответствии со ст. 54 Конституции. Также отмечается, что оспариваемая норма является ясной и предусмотрена законом, и преследует следующие законные цели: защиту прав, свобод и достоинства других лиц и предотвращение разглашения конфиденциальных сведений. Приводя практику ЕСПЧ, Правительство отметило, что право на доступ к информации и право на защиту частной жизни равноценны и заслуживают одинакового уважения. Правительство заключает, что, поскольку ограничение доступа к информации преследует правомерную цель и необходимо в демократическом обществе, оспариваемая норма совместима с Конституцией.

33. Общественная организация «Transparency International Moldova» считает, что оспариваемая норма не преследует общественные интересы, а совсем иные цели, защищая интересы лиц по легализации имущества, приобретенного нечестным путем. Данное ограничение идет в разрез с усилиями, направленными на противодействие коррупции, отмыванию денег и другим финансово-экономическим преступлениям. Общественная организация подчеркнула, что доступ к информации позволяет расследовать множество совершенных в Республике Молдова преступлений по присвоению финансовых средств, незаконному обогащению, отмыванию денег и др. По мнению этой организации, указанное ограничение не является соразмерным.

С. Оценка Конституционного суда

1. Общие принципы

34. Конституционный суд подчеркивает, что, согласно ч. (1) и ч. (2) ст. 34 Конституции, право лица на доступ к любой информации, касающейся общественных дел, не может быть ограничено. Власти в соответствии со своей компетенцией обязаны обеспечивать добросовестное информирование граждан по вопросам общественного и личного характера. Под правом доступа к любой информации имеются в виду порядок, способы и условия управления государственными делами и право распространения такого рода сведений (ПКС № 19 от 22 июня 2015 г., §§ 31-32).

35. Конституционный суд указывает, что право на информацию предполагает право запрашивать информацию от публичных органов и учреждений. Данное право включает два аспекта: право запрашивать и право получать информацию. В этом смысле, любой публичный орган и/или учреждение обязаны предоставлять истребованную информацию, если для отклонения запроса нет законных оснований (ПКС № 19 от 22 июня 2015 г., §§ 34-35).

36. Конституционный суд подчеркивает, что гарантированное ст. 34 Конституции право на доступ к сведениям, представляющим общественный интерес, носит характер *lex specialis* по отношению к праву на свободу выражения, закрепленному в ст. 32 Конституции, которая составляет его основу. Значение связи между ст. 32 и ст. 34 Конституции особенно возрастает там, где государственные органы взаимодействуют в осуществление права на доступ к информации, поскольку запрос о предоставлении доступа к информации подается для того, чтобы довести эту информацию до общественности. Таким образом, действующие в отношении ст. 32 общие принципы с тем большим основанием действуют в отношении ст. 34 Конституции.

37. Свобода выражения мнения представляет собой одну из несущих опор демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. Свобода выражения мнения относится не только к благоприятно воспринятым, безобидным или нейтральным для общества сведениям и идеям, но и к тем сведениям, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества».

38. Любое ограничение этой свободы необходимо неопровержимо обосновать, используя принцип соразмерности, установленный в ст. 54 Конституции. Этот принцип требует, *inter alia*, чтобы приведенные законодателем основания были убедительными и достаточными.

39. Конституционный суд отмечает, что частная жизнь – широкое понятие, которое не подлежит исчерпывающему определению. В своей практике ЕСПЧ указывал, что имя, пол, этническая принадлежность, религиозные убеждения, сведения о состоянии здоровья, право на репутацию, сексуальная ориентация и др. составляют важные элементы личной жизни, охраняемой ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека. Указанная статья, которая вместе с развивающейся практикой ЕСПЧ лежит в основе толкования ст. 28 Конституции, может включать и профессиональную или деловую деятельность (см. *Niemietz против Германии*, 16 декабря 1992 г., § 29). Таким образом, зона взаимодействия лица с другими существует даже в общественном контексте, который входит в сферу применения понятия частной жизни (см. *Реш против Соединенного Королевства*, 28 января 2003 г., § 57).

40. Защита персональных данных имеет важное значение для реализации права на частную жизнь. Статья 28 Конституции гарантирует право на информационное самоопределение, позволяющее осуществлять право на личную жизнь в отношении нейтральных сведений, сбор, обработка и распространение которых осуществляется коллективным образом, что приводит к применению данной статьи (см. *Satakunnan Markkinapörssi Oy и Satamedia Oy против Финляндии* [БП], 27 июня 2017 г., § 137).

2. Применение принципов при рассмотрении настоящего дела

41. Конституционный суд отмечает, что **вмешательство в право на доступ к информации предусмотрено законом** и что автор обращения не оспаривает несоблюдение требований качества закона принятием ст. 16 ч. (9) Закона о добровольном декларировании и налоговом стимулировании. На этом основании Конституционный суд не считает необходимым тщательно анализировать оспариваемые положения в свете требований качества закона.

42. В информационной справке к проекту закона о добровольном декларировании и налоговом стимулировании, зарегистрированному в Парламенте 24 июля 2018 года, Конституционный суд не обнаружил никаких объяснений, почему авторы проекта посчитали необходимым запретить доступ заинтересованных лиц к сведениям, связанным с исполнением данного закона, и предоставлять эти сведения только по запросу Национального органа по неподкупности, Службы по предупреждению и борьбе с отмыванием денег и субъекта добровольного декларирования.

43. Тем не менее, в соответствии с требованием соразмерности, установленным в ст. 54 Конституции, Конституционный суд проверит, **если данная законодательная мера преследует правомерную цель**, допускаемую Конституцией (см. ПКС № 19 от 22 июня 2015 г., §§ 49-50).

44. Целью оспариваемых положений, как следует из их содержания, является защита персональных данных, предполагая, что любая информация может раскрыть идентичность лица. Разглашение сведений, связанных с именем лица, к примеру, имеет отношение к праву на уважение частной жизни, гарантированному ст. 28 Конституции (см. *S. и Marper против Соединенного Королевства* [БП], 4 декабря 2008 г., § 66). Защита персональных данных включает три общие законные цели, предусмотренные ст. 54 ч. (2) Конституции: защиту прав других лиц, предотвращение преступлений и недопущение разглашения конфиденциальных сведений. При обстоятельствах данного дела эти три законные цели призваны защищать право на уважение частной жизни лица, добровольно сообщившего о незадекларированных ранее финансовых средствах и имуществе. Таким образом, Конституция допускает защиту персональных данных.

45. Закон о добровольном декларировании и налоговом стимулировании содержит несколько приложений, состоящих из формуляров, которые подлежат заполнению со стороны субъектов добровольного декларирования. Не все данные, содержащиеся в этих формулярах, носят личный характер, следовательно, они не могут раскрывать имени субъекта добровольного декларирования. Таковыми

являются раздел «Сумма добровольно задекларированных денежных средств» в Приложении № 1 «Заявление о добровольном декларировании денежных средств», наименование и стоимость задекларированного движимого и недвижимого имущества в Приложении № 2 «Предварительная декларация о добровольном декларировании» и в Приложении № 3 «Уведомление о добровольном декларировании имущества». В случае, если Государственная налоговая служба получила запрос о предоставлении сведений о финансовых средствах или стоимости имущества, задекларированного по доброй воле, отказ службы не преследует законную цель защиты персональных данных, поскольку эти данные не раскрывают имени лица. В своих постановлениях Конституционный суд отметил, что для того, чтобы сослаться на исключения, позволяющие воздержаться от предоставления определенных категорий сведений, они должны оправдывать наличие ущерба для общественных интересов в случае их предоставления (ПКС № 19 от 22 июня 2015 г., § 36; ПКС № 16 от 18 мая 2016 г., § 51). **Тот факт, что ст. 16 ч. (9) Закона предусматривает отказ *de plano* в доступе к сведениям, которые не способствуют идентификации субъекта добровольного декларирования, указывает на неконституционность данной нормы.**

46. Положения ст. 16 ч. (9) Закона запрещают также доступ к сведениям, раскрывающим имя лица, его персональный идентификационный номер, серию и номер удостоверения личности, данные об имуществе и др. Конституционный суд отмечает, что в этом смысле законодатель отдает абсолютный приоритет праву на уважение частной жизни, запрещая доступ к сведениям личного характера, в ущерб праву на доступ к информации, являющемуся составной частью более широкого права на свободу выражения.

47. Суть рассматриваемого дела заключается в реализации двух основополагающих конкурирующих прав: права «субъектов, стоящих на страже» демократического общества, на доступ к сведениям, представляющим общественный интерес, и права субъектов добровольного декларирования на уважение частной жизни.

48. Оба эти права охраняются Конституцией, а именно ст. 34 и, соответственно, ст.28. Ни одно из этих прав не носит абсолютный характер. Каждое право может подвергаться ограничениям, к примеру, для защиты прав других лиц, как предусматривает ст. 54 ч. (2) Конституции. Более того, Конституция Республики Молдова не устанавливает *a priori* иерархию этих прав. Они заслуживают равного уважения и этот вопрос имеет принципиальное значение (см., *mutatis mutandis*, *Von Hannover против Германии* (№ 2) [БП], 7 февраля 2012 г., § 106). Таким образом, при оценке этих прав следует исходить из их значимости в обществе, основанном на плюрализме, толерантности и либерализме, каковым должно быть общество в Республике Молдова.

49. Экономическая деятельность субъектов налогового декларирования, которые в установленный законом срок не уведомили соответствующий орган о приобретенном имуществе, не может рассматриваться как вопрос частного характера и в абстрактном смысле не может быть исключен из сферы интересов общества. Также, не может существовать однозначного ответа относительно того, что разглашение имен отдельных субъектов добровольного декларирования нарушает право на уважение частной жизни. От обстоятельств каждого конкретного дела зависит вывод, к которому могут приходиться, с одной стороны, служащие, занимающие ответственные государственные должности, если к ним обращаются с запросом о предоставлении доступа к информации, и, с другой стороны, судьи, работающие в судах общей юрисдикции, в случае рассмотрения подобных дел.

50. **С конституционной точки зрения, недостатки оспариваемых положений заключаются, во-первых, в отсутствии процедуры и четких критериев предоставления доступа к сведениям, касающихся субъектов добровольного декларирования, со стороны служащих Государственной налоговой службы. Во-вторых, они заключаются в отсутствии по закону возможности для судей, работающих в судах общей юрисдикции и сталкивающихся с конкретными делами об отказе Государственной налоговой службы в предоставлении доступа к такого рода сведениям, взвешивать и уравнивать эти два конкурирующие права, которые, в целом, заслуживают равного уважения, в зависимости от правовых и фактических обстоятельств каждого дела.**

51. Таким образом, Конституционный суд считает неконституционной ст.16 ч. (9) Закона о добровольном декларировании и налоговом стимулировании, так как она устанавливает недопустимую по Конституции иерархию указанных прав (в интерпретации с учетом соответствующей практики ЕСПЧ). **Оспариваемые положения не допускают наличия разумной соразмерности между этими двумя конкурирующими ценностями, не обеспечивают справедливое равновесие между правом на доступ к информации и правом на защиту частной жизни, следовательно, ограничение не является необходимым в демократическом обществе.** Конституционный суд пришел к выводу, что ст. 16 ч. (9) Закона о добровольном декларировании и налоговом стимулировании устанавливает **чрезмерные ограничения относительно сведений, которыми располагает Государственная налоговая служба.**

52. Конституционный суд считает необходимым перечислить критерии, которые могут быть использованы при сравнительной оценке права доступа к сведениям, представляющим общественный интерес, и права на уважение частной жизни. Эти критерии не являются исчерпывающими, а служат лишь отправной точкой.

53. Критерии по оценке этих прав вытекают из множества дел, рассмотренных ЕСПЧ, в которых просматривается столкновение указанных прав, а именно: вклад в обсуждение вопроса, представляющего общественный интерес; степень известности ущемленных лиц и предмет запрашиваемой информации; содержание, форма и последствия обнародования информации.

54. Хотя **критерий вклада в обсуждение вопроса, представляющего общественный интерес**, встречается и в анализе относимости права на доступ к информации (на стадии изучения «роли заявителя»), он иначе проявляется на стадии сравнительной оценки. При том, что на стадии определения относимости права устанавливается, если заявитель является субъектом, стоящим на страже демократического общества, на стадии взвешивания двух прав проводится конкретный анализ сведений, которые подлежат разглашению. Если при рассмотрении дела ЕСПЧ обнаруживал, что публикация, раскрывающая элементы частной жизни, касалась и вопроса, представляющего общественный интерес, он исходил из характера и значения этих сведений для общественности, то есть учитывал вклад в обсуждение вопроса, представляющего общественный интерес (*Couderc u Hachette Filipacchi Associés против Франции*, 10 ноября 2015 г., § 98; и *Von Hannover против Германии* (№ 2) [БП], 7 февраля 2012 г., § 109). Неверным является мнение, что опубликование сведений в целях удовлетворения любопытства определенной части общества к деталям частной жизни лица способствует общественным интересам (см. *Von Hannover против Германии*, 24 июня 2004 г., § 65; *MGN Limited против Соединенного Королевства*, 18 января 2011 г., § 143; *Alkaya против Турции*, 9 октября 2012 г., § 35). Чтобы выяснить, что опубликование материала о частной жизни лица не преследует лишь удовлетворение любопытства отдельной части населения, а касается важного для общества вопроса, необходимо рассматривать его в целом и анализировать обстоятельства его появления (см. *Couderc u Hachette Filipacchi Associés против Франции* [БП], 10 ноября 2015 г., § 102; *Tønsbergs Blad A.S. u Naikot против Норвегии*, 1 марта 2007 г., § 87; *Björk Eidsdóttir против Исландии*, 10 июля 2012 г., § 67).

55. Как правило, общественный интерес связан с вопросами, затрагивающими в определенной мере общество, закономерно вызывая его интерес, привлекая его внимание, или касается его в значительной степени, в частности, если это сказывается на благосостоянии граждан или жизни сообщества. Таковыми являются вопросы о важных аспектах социальной жизни, порождающие бурные споры, или вопросы, вызывающие у общества большой интерес. Общественный интерес не сводится к желанию людей узнать сведения из личной жизни других или к желанию узнать «пикантные» детали или сенсационные новости. В своих постановлениях Конституционный суд подчеркнул, что право

доступа к информации является важным инструментом для определения злоупотреблений, выявления ошибок в управлении, коррупции и реализации значимых социальных и экономических прав. Конституционный суд придал праву на информацию значимость национального ресурса. Сведения, которыми располагают публичные органы и учреждения, вырабатываются и собираются не для их блага, а для блага общества (см. ПКС № 19 от 22 июня 2015 г., §§ 71, 73; ПКС №16 от 18 мая 2016 г., § 50).

56. **Степень известности ущемленных лиц** и характер запрашиваемой информации является другим важным критерием, связанным с предыдущим. Необходимо применить различный подход в отношении частных лиц и лиц, действующих в публичных условиях, каковыми являются политические или общественные деятели. Неизвестное для общества частное лицо может требовать особую защиту своего права на личную жизнь, но публичные лица находятся в ином положении (см. *Minelli против Швейцарии* (dec.), 14 июня 2005 г.). Необходимо делать существенное различие между предоставлением сведений касательно действующих политиков в осуществление своих служебных обязанностей, способствующих обсуждению в демократическом обществе, к примеру, и предоставлением деталей из частной жизни лица, которое не занимает такой должности (см. *Von Hannover против Германии*, 24 июня 2004 г., § 63, и *Standard Verlags GmbH против Австрии (№ 2)*, 4 июня 2009 г., § 47). Если в первом случае лицо, опубликовавшее сведения, стоит на страже демократического общества, предавая гласности сведения и идеи по вопросам, представляющим общественный интерес, в последнем случае эта роль проявляется в меньшей мере. Аналогично, хотя при определенных обстоятельствах право общественности на получение информации может распространяться и на аспекты личной жизни публичных лиц, в особенности, когда речь идет о политиках, ситуация иная, несмотря на известность лица для общества, если опубликованные сведения и сопутствующие комментарии касаются исключительно деталей из личной жизни и преследуют единственную цель – удовлетворить любопытство общественности (см. *Von Hannover против Германии*, § 65, и *Standard Verlags GmbH против Австрии (№ 2)*, § 53). В этом случае свобода выражения требует более узкой интерпретации (см. *Von Hannover против Германии*, 24 июня 2004 г., § 66; *Hachette Filipacchi Associés (ICI PARIS) против Франции*, 23 июля 2009 г., § 40; *MGN Limited против Соединенного Королевства*, 18 января 2011 г., §143).

57. Что касается **содержания, форм и последствий публикации**, Конституционный суд отмечает, что решение неправительственной организации или журналиста освещать определенную тему относится к области свободы выражения. Ни Конституционный суд, ни судьи,

работающие в судах общей юрисдикции, ни ответственные государственные лица не вправе принимать вместо них это решение (см. *Couderc u Hachette Filipacchi Associés против Франции* [БП], 10 ноября 2015 г., § 139). Свобода выражения оставляет на усмотрение организаций или журналистов, какие именно детали необходимо опубликовать, чтобы обеспечивать доверие к статье или расследованию (см. *Fressoz u Roire против Франции* [БП], 21 января 1999 г., § 54). Более того, неправительственные организации и журналисты располагают свободой в выборе новостей, которые привлекают их внимание и которые они желают предать гласности, а также способа их освещения. Однако, эта свобода не освобождается от ответственности. Их выбор должен иметь в основу правила профессиональной этики и деонтологические кодексы (см. *Couderc u Hachette Filipacchi Associés против Франции* [БП], 10 ноября 2015г., § 138). Возможность обеспечения доступа к определенным сведениям не означает, что эти сведения могут быть опубликованы без ограничений.

58. Конституционный суд подчеркивает, что лица, занимающие ответственные должности в публичных органах, и судьи, работающие в судах общей юрисдикции, которые сталкиваются с такими делами, должны обеспечивать справедливое равновесие между свободой выражения и правом на уважение частной жизни в аспекте защиты персональных данных, используя при оценке указанных прав вышеизложенные критерии, которые, исходя из практики ЕСПЧ, не являются исчерпывающими.

Руководствуясь положениями ст. 135 ч. (1) п. а) и п. г) и ст. 140 Конституции, ст. 26 Закона о Конституционном суде, ст.6, ст. 61, ст. 62 п. а) и п. е) и ст. 68 Кодекса конституционной юрисдикции,

Конституционный суд

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Признать обоснованным обращение об исключительном случае неконституционности, представленное по запросу адвоката Виталия Зама, в рамках дела № 3-2368/2018, рассматриваемого судом Кишинэу, сектор Рышкань.

2. Признать неконституционной ст. 16 ч. (9) Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании.

3. При рассмотрении дел о доступе к сведениям, связанным с исполнением Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ
СТ. 16 Ч. (9) ЗАКОНА № 180 ОТ 26 ИЮЛЯ 2018 ГОДА О ДОБРОВОЛЬНОМ ДЕКЛАРИРОВАНИИ И
НАЛОГОВОМ СТИМУЛИРОВАНИИ

декларировании и налоговом стимулировании, Государственная налоговая служба и, в зависимости от случая, судебные инстанции должны оценивать конкурирующие права, используя следующие критерии:

- (a) вклад запрашиваемой информации в обсуждение вопроса, представляющего общественный интерес;
- (b) степень известности лиц, ущемленных запрашиваемой информацией;
- (c) содержание, форма и последствия опубликования информации;
- (d) другие критерии, имеющие значение при рассмотрении дела.

4. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня принятия и публикуется в «*Monitorul Oficial al Republicii Moldova*».

Председатель

Владимир ЦУРКАН

Кишинэу, 12 декабря 2019 года
ПКС № 29
Дело № 106g/2019г.